

ГАЙДУК И ДЕВОЧКА

Рассказ-быль

Рано утром первого мая 1991 года из ереванского аэропорта «Эребуни» взял курс на Геташен военный вертолет Ми-8. Накануне стало известно, что турки-азеры, или турки (так в тех местах зовут азербайджанцев), используя силы и средства 23-й дивизии 4-й Армии, а также внутренних войск МВД страны начали осуществление зловещей операции «Кольцо» по депортации армянского населения из сел Геташен и Мартунашен. С четырех сторон (отсюда и название операции «Кольцо») одновременно ворвались в село сначала танки, затем — бронетехника, затем — азерские омовцы. Замыкала их толпа мародеров и грабителей на грузовых машинах, телегах, обозах, лошадях и ишаках.

Пассажирам вертолета, среди которых были народные депутаты СССР, журналисты, представители международных организаций по правам человека, предстояло собрать фактический материал о насильственной депортации армян из своих домов. Одному Богу было ведомо, как удалось в тех условиях, при том все еще функционировавшем советском режиме поднять в воздух вертолет и лететь на Геташен, о котором вот уже двадцать четыре часа трезвонил мир, путаясь, правда в противоречивых сведениях.

Довольно низко пролетев над Севаном, Ми-8 вскоре начал набирать высоту, словно пытаясь сесть верхом на облака, нависшие над вершинами Варденисского и Омарского хребтов. Слева по борту сквозь рваные облака вдали были видны села Дашкесанского и Ханларского районов. Военные летчики последние два года довольно часто летали в Шаумяновский район и легко, по одному лишь курсу и скорости, определяли точное местонахождение борта. Приближаясь к Геташену, летчики первыми заметили струи голубого дыма, поднимающиеся поверх облаков. Нетрудно было догадаться, что это горит Геташен. Чуть севернее находилось армянское село Камо, которое еще год назад было сожжено, а жители депортированы. Прямо по носу за Геташеном вновь повторилась картина: столбы дыма поднимались, пробивая белое и густое, как сметана, облако. Это уже горел Мартунашен.

Летчики приняли решение совершить по сути вынужденную посадку в Шаумяновске — райцентре Шаумяновского района, чтобы хотя бы там разгрузить муку.

Не успели приземлиться, как пассажиров окружила толпа людей в изодранной одежде со следами избиений. У многих на руках были дети. Это были геташенцы и мартунашенцы. Говорили они взахлеб, хором, громко перебивая друг друга. Ухитрились в ночь с тридцатого апреля на первое мая вырваться из горящего Геташена, где бесчинствовали азерские омовцы на глазах у солдат армии и внутренних войск. Пассажиры вертолета узнали, что из танков в упор стреляли по домам, что до того, как боевые машины вошли в Геташен, на рассвете военные вертолеты обстреляли село ракетами. Около пяти тысяч людей были загнаны в яму (Геташен, подобно Горису, находится в неглубоком каньоне, обрамленном холмами) и закрыли все входы и выходы бронетехникой. На глазах у хозяев мародеры вытаскивали из домов мебель и другие вещи. Разбили вдребезги телекамеру журналиста, а самого забрали в заложники. Забрали трех врачей, которым запрещали оказывать помощь раненым и вскоре всех троих отправили в кировобадскую тюрьму. В селе имеется шестеро убитых. Их не позволяют хоронить. Лежат они прямо на улицах. Это делается, чтобы наводить страх, чтобы жители, спасая себя и своих близких, добровольно оставили село. Азербайджанский милиционер из Ханлара заставлял армян подписывать заранее

подготовленный документ, якобы подтверждающий, что подписавший его житель Геташена желает продать свой дом и переехать в Армению.

Недолго пришлось уговаривать командование чрезвычайного положения Шаумяновского района, чтобы на боевых машинах вывезли из Геташена мертвых. Выяснилось, что для проведения такой операции необходимо несколько часов. А световой день был на исходе. Вертолет же не имел права оставаться на ночь. Решили разгрузить муку, взять на борт раненых и детей и вернуться в Ереван. Депутаты рассчитывали, что сумеют добиться повторения рейса вертолета на следующий день, чтобы вывезти трупы.

На следующее утро тот же борт и с тем же российским экипажем поднялся в воздух, взяв курс на Геташен. Картина повторилась. Слово ни на метр не сдвинулись с места облака и тучи на протяжении всего маршрута. И пассажиры были те же, и количество мешков с мукой. Люди, провожавшие вертолет, понимали: грешно отправлять полупустой борт, зная, что там горстка армян вот уже полгода не получает не только электроэнергию или сахар, но и ни грамма муки.

Вертолет пролетел над Шаумяновском, сделал разворот и начал снижение. Пассажиры, прильнув к иллюминаторам, увидели скопившуюся толпу на вертолетной площадке. У самого забора были ровно сложены пять гробов. Кто-то, перекричав гул и рев двигателя, сказал: «Гробов пять, а вчера говорили, что убитых там шестеро».

Пока грузили наспех сколоченные, некрашенные гробы на борт, пассажиры отправились в больницу, где находилась новая партия раненых. Там и узнали, что уже в дороге, когда везли трупы и раненых из Геташена в Шаумяновск, вдруг кто-то в машине закричал: «Он жив, фидаин Гагик жив!» Гроб был без крышки, и все заметили, как неожиданно стал шевелиться лежащий в нем человек, весь покрытый сгустками крови и грязи. Борода была красной от сгустков крови.

Даже на больничной койке Гагик был все еще в сгустках крови и глины. Как ни старались медики, не смогли они в тех условиях полностью отмыть их. Выяснилось, что врачи вообще ничего не могли поделать с Гагиком, которого давно в этих местах прозвали и Геташенци Гагик (Гагик из Геташена) и фидаин Гагик, и гайдук Гагик (так по-разному писали заезжие журналисты о Гагике). Слишком много было раненых и слишком мало хирургов. Однако дело было не только в том, что руки не доходили до воскресшего из мертвых фидаина. Его, конечно, осмотрели, но ничего толком поделать не смогли. Человека избивала прикладами целая дюжина омонцовцев. Били по лицу, по ребрам, по почкам. Били даже когда он превратился в кровавое месиво. Геташенци Гагик и сейчас лежал на перепачканной кровью и грязью постели, как месиво. Лица не было видно: ни глаз, ни носа.

...Очевидцы рассказали пассажирам вертолета о том, как все произошло.

Рано утром тридцатого апреля, после воздушного и артиллерийского обстрела омонцовцы, прикрываемые танками и другой боевой техникой, ворвались в село. Стали ломать ворота и двери домов. Всех расспрашивали о местонахождении нескольких конкретных лиц. Среди названных был и Геташенци Гагик. Вскоре азеры нашли дом Гагика. Там были только родители жены Гагика и его шестилетняя дочь Наира. Тесть Гагика был прикован к постели. Давно болел. На их глазах одни тащили из дома все, что можно было вынести, другие, продолжая расспрашивать стариков о Гайдуке, наносили удары прикладом по лежащему. Кто-то выволок из дома старушку и маленькую Наиру. Сильным ударом по голове прямо во дворе свалили на землю тещу Гагика, а дочку потащили на край села. Объявили во всеуслышание: «Если этот человек не явится и не сдастся властям, то дочь его

повесят на тутовом дереве». Азеры рассчитывали на то, что слух непременно дойдет до отца, и тот, конечно же, вскоре явится домой. Заявится даже для того, чтобы снять мертвую дочь с дерева. Срок они дали до полуночи. Однако слух до Гагика дошел только к утру следующего дня. Он оставил свой автомат в Шаумяновске и отправился в Геташен, зная, что опоздал, и не сомневаясь, что дочери уже нет в живых. Он думал лишь о том, чтобы тело дочери не дали на съедение собакам и чтобы врагам не достался его автомат в качестве трофея. Когда Гагику по дороге передали, что дочь его повесили на тутовом дереве, он ничуть не сомневался, что это именно то дерево, которое стояло у самого входа в село. И не ошибся. Приблизившись на рассвете первого мая к селу, он не только заметил качающееся, как маятник, тело дочери, но и толпящуюся поодаль от дерева группу автоматчиков, одетых в зимнюю форму внутренних войск МВД. Не сбавляя хода, он подошел к тутовнику, двумя руками ухватился за веревку над самой головой дочери, заметив, как толпа автоматчиков медленно окружает его. Резко потянул за веревку, которая оборвалась у самой ветки. Успел удержать бездыханное тело дочери и медленно опустил его на сырую землю. В момент, когда он попробовал было снять веревку с уже посиневшей тонкой шейки дочери, сзади нанесли сильный удар прикладом по голове. Здесь же у тутового дерева вся вооруженная толпа набросилась на Геташенца Гагика и стала добивать.

Потом окровавленное тело потащили за ноги к центру села и бросили прямо на улице.

... Два месяца Геташенца Гагик находился в больнице. Он никак не мог вспомнить детали событий, предшествовавших его возвращению в Геташен. Лишь по рассказам очевидцев он не без труда начал восстанавливать в памяти по крупицам все, что происходило с ним. Вспомнил даже мысли, которые пришли ему в голову, когда он увидел тело дочери, висевшее на дереве, и толпу азерских автоматчиков. Он рассчитывал на то, что все-таки дадут ему возможность похоронить дочь, а уж потом возьмутся за него самого. Даже думал о том, что туркам расскажет, что он родом из Сасуна, а посему его пытаться бесполезно, никого не выдаст. Так что лучше сразу убить — дело с концом. Лишь бы похоронить дочь. Однако турки так и не узнали, что отец геташенской девочки Наиры родом из Сасуна.

...Геташенца Гагик родился в Ливане, в небольшом армянском поселке Анчар, уютно расположившемся на пологой возвышенности у самой границы с Сирией. Мальчику не было и года, когда семья его, влившись в нескончаемые потоки караванов, направилась в Армению. Отец его, Маркос, из Сасуна, мать, Србуи, — из Мусалера. Вместе с крохотным Гагиком в Ереван переехала и бабушка по отцу, которая и занималась воспитанием внука. Учила его арабскому и турецкому языкам. Родители день и ночь трудились, чтобы заработать на кусок хлеба. До конца своих дней бабушка так и не смогла, может, и не хотела избавиться от западно-армянского языка, который легко отличает соотечественников диаспоры от жителей Армении. И даже внук ее, Гагик, окончивший исторический факультет Ереванского университета, произносил некоторые слова так, что явно выдавало его происхождение.

Историю своего рода Гагик узнал еще с раннего возраста от бабушки. Деда его турки убили на глазах у бабушки. Отцу Гагика было всего четыре года, когда началась большая резня армян. И даже помнил во всех подробностях, как рослый, лысый с желтыми зубами турок бросил в горящий тонир старшую сестру, шестилетнюю Шаке, и как потом мать топором ударила прямо по голове лысого турка, который разом грохнулся на землю. Потом она словно на скаку подхватила маленького Маркоса и бросилась на улицу. Ночью она

тайком вернулась к себе во двор, вытащила из потухшего тонира обгоревшее тело Шаке и похоронила на обочине дороги.

...Гагику было за тридцать, когда в Ереване ему приглянулась статная большеглазая выпускница университета Ашхен, которая, казалось, объявила протест новым веяниям моды. Никогда не носила коротких юбок, хотя и выглядела всегда очень даже современной. Но больше всего выделялась из модных сверстниц старомодными тугими косами. Ашхен была родом из Геташена. Долго они ждали ребенка. И лишь на шестом году супружеской жизни родилась дочка Наира. Роды были тяжелыми. Ребенка удалось спасти чудом. Перед смертью Ашхен удалось, кажется, все же услышав голос дочери. Девочка страдала аллергией. Болезнь давала о себе знать, особенно в Ереване весной и летом. Из-за этого большую часть года Гагик проводил с дочерью в Геташене. Так он прикипел к легендарному древнему селу, известному в истории своими героями. И вскоре он получил прозвище Геташенци Гагик, которое за ним укрепилось сразу после начала Карабахского движения. Хотя иногда его называли фидаинем. Пожалуй, раньше всех геташенцы, от мала до велика, осознали: быть войне, а посему надо готовиться к ней. Вскоре имя Гагика стало наводить ужас на азеров. От коменданта чрезвычайного положения Шаумяновского района узнали, что в Кировабаде и Ханларе турки считают: достаточно убрать из села пять-шесть парней, чтобы без особых хлопот взять Геташен и Мартунашен. Они называли имена этих пяти-шести человек и в первую голову — Геташенци Гагика.

...В сентябре 1991 года Геташенци Гагик сам себе поставил окончательный диагноз: готов к несению службы. в военное время. Хромал на правую ногу. Левая рука с трудом поднималась до плеча, пальцы едва шевелились. Правый глаз видел процентов на двадцать, левый — на сорок. Непрекращающиеся головные боли. Сплошные раны на лице практически не видны благодаря густой бороде.

В Шаумяновске Гагика встретили многочисленные друзья. С вертолетной площадки повезли его в Веришен, где заранее присмотрели целый особняк, больше года стоявший без хозяев. Старались не касаться темы дочери. Кто-то лишь рассказал о том, что за день до того, как в Геташен один за другим стали прибывать десятки военных вертолетов для депортации армян, односельчанам удалось-таки похоронить маленькую Наиру. При этом специально рассказывали о подробностях, чтобы не оставлять у отца никаких сомнений в том, что дочь похоронили. Не могли друзья не обратить внимания и на то, что Геташенци Гагик изменился не только физически. В его подслеповатых глазах можно было заметить, как выразился комполка Шаген, какую-то концентрированную жажду мести. При этом Шаген добавил, что так он выразил свою мысль после долгой беседы с Гагиком, который однажды признался: не успокоится до тех пор, пока своими руками не убьет хотя бы одного азерского ребенка.

... В конце сентября началась тщательная подготовка к осуществлению операции по освобождению захваченных еще в начале июля армянских сел Шаумяновского района Бузлук, Манашид, Эркедж. Геташенци Гагик находился в отряде бузлукского направления. Поглядывая на оперативную карту, он на глаз все прикидывал расстояние от Бузлука до Геташена. Как-то в штабе у карты он невольно усмехнулся, и Шаген спросил его:

— Что случилось?

— Пожалел, что я не в манашидском направлении. Оттуда намного ближе к Мартунашену и Геташену. И от самой этой мысли смешно мне стало. Как будто не все равно,

откуда я попаду в Геташен. Правда, я сам напросился на бузлухское направление. В Бузлухе жил мой друг Эдик Арутюнян.

— Его могила осквернена, — сказал Шаген.

— Я знаю. Вот и хочу навестить Эдика.

...На грохочущем бронетранспортере Гагик поехал через Бузлух на самую вершину села мимо домов, на воротах которых крупными буквами были выведены имена и фамилии азербайджанцев. Чаще всего надпись была на русском языке: «Дом занят». И далее азербайджанская фамилия. Когда проезжал мимо хорошо сохранившегося дома, в какое-то мгновение ему показалось, что увидел за окном движущуюся тень. Заметил, что у дома в саду ветки яблонь ломались от сочных желто-красных плодов. Чтобы вернее запомнить место, он стал считать дома. Вышло девять.

БТР остановился на вершине горы, у самого края бузлухского кладбища. Гагик сошел с боевой машины, к нему подошел одетый в бушлат небритый мужчина. Поздоровался, давая понять, что сразу признал в нем Геташенци Гагика.

— Покажи, где похоронен Эдик.

Человек в бушлате показал на могилу, которая находилась от них всего в нескольких шагах. Когда они подошли к могильному холму, Геташенци Гагик спросил:

— Почему это земля здесь разворочена?

— Эдик погиб в июле, за день до того, как турки вошли в село. Отец его, Арутанц Ерванд, решил похоронить сына, а уж потом оставить Бузлух. Мы помогли старику. А сегодня вот утром, как только освободили село, я первым делом пришел сюда. Вскоре пришел и Ерванд. Ему под девяносто. Он молча долго смотрел на развороченную могилу. Мы поняли, что азеры выкопали его, чтобы вырвать у трупа золотые зубы. Потом они бросили тело в яму, даже не забросав его землей. Вот мы заново и похоронили. Как тяжело ни было старику, но он хоть малость успокоился. Он мне говорил, что был наслышан о мародерстве, и боялся, что тело сына так и не будет предано земле. Турки на всем кладбище не оставили ни одного мало-мальски ценного камня, я уже не говорю о мраморных плитах.

...Садясь в БТР, Геташенци Гагик сказал водителю, чтобы тот остановил машину у девятого по счету дома, что слева. Не преминул добавить, что у дома большой пышный сад. Пока машина, грохоча, спускалась к дому, Гагик думал о том, что тело его друга Эдика целых четыре месяца лежало на земле под открытым небом, под дождем, палящими лучами солнца, градом. Подумал он и о ветхом старики, который заново хоронил сына.

Мысли его прервал скрип тормозов. Вспомнил, что сам попросил остановить машину у девятого дома. Он как-то по-старчески вылезал из машины. Без привычной ловкости сошел на землю и направился к дому, где давеча заметил тень в окне. Пройдя мимо дерева с висющими до земли от тяжести плодов ветками, с трудом по деревянным ступеням поднялся к двери веранды. Вошел в дом и неожиданно замер. Из комнаты сначала послышался шорох, а затем громкий плач. Гагик бросился в комнату, держа наготове автомат. Плач прекратился. Встал в просвете двери как вкопанный, не веря своим глазам, которые обычно едва отличают свет от тени, а сейчас четко увидели в темноте сидящую на голой тахте, скрючившись и прижавшись к углу, девочку, которая то и дело громко всхлипывала. Все еще стоя в просвете двери, Гагик перевел взгляд от всхлипывающей девочки в центр комнаты, где расположился длинный стол, обрамленный узкими лавками и досками, положенными на табуретки. По всему было видно, что еще накануне обедала или ужинала здесь целая орава,

но убрать со стола не успели ни посуду, ни остатки еды. Щурясь в темноте, Гагик смотрел то на девочку, то на стол, кажется, догываясь, как и почему ребенок остался дома. Наверное, детей была целая прорва. Девчушка заснула, и в спешке родители не заметили, что она осталась дома.

Гагик, прихрамывая, подошел к ребенку, отгоняя от себя нахлынувшие мысли, больно щемящие сердце и душу. Никого рядом нет. Сам себе и судья, и прокурор. На плече висит автомат, и ствол направлен в угол комнаты. Да еще и палец на курке. И мишень совсем рядом. Он почувствовал, что мышцы руки напряглись до предела, палец постепенно сжимался. Неожиданно все тело содрогнулось, словно ударило его током. От сознания того, что еще секунду назад он мог нажать на курок, на лбу появилась испарина, подслеповатые глаза его закрылись густой пеленой. Геташенци Гагик резко поддался вперед правым плечом, приподнял крохотный приклад, и «Калашников» повис стволом вниз. Гагик подошел вплотную к дрожащей, как лист на ветру, девочке и тихо спросил по-турецки, прекрасно зная, что мало чем этот язык отличается от азербайджанского. И до этого он не раз изъяснялся на своем турецком с азербайджанцами.

— Как тебя зовут? — спросил Гагик.

— Чахра.

— Впервые слышу такое имя.

— Меня зовут Гульчахра. А дома зовут Чахра.

— А где папа и мама, где братья и сестры? — спросил Гагик и, уловив на лице девочки неожиданно появившуюся улыбку, догадался, что она удивилась тому, что чужой человек, которого она так боится, знает все о ее семье. Знает, что у нее есть папа и мама, братья и сестры. И, все еще улыбаясь, она ответила:

— У меня пять братьев и три сестры. Мы спали и здесь, в этой комнате, и в подвале. Я очень боюсь, когда стреляют, и часто залезаю под кровать или под стол и часто засыпаю под кроватью. А когда я проснулась, никого дома не было. Кругом слышны были выстрелы и горели дома. В селе появились люди, я прислушалась, они говорили по-армянски.

— Ты сама понимаешь по-армянски?

— Нет. Но я знаю, когда говорят по-армянски, а когда — по-нашему. — Девочка, неожиданно сменив тему, не без испуга спросила: — А ты меня не убьешь?

— А почему ты думаешь, что я тебя убью?

— Я раньше видела убитых детей.

— Где ты видела?

— Здесь видела, и на улицах, и в огородах. Когда мы всей семьей приехали на машине. Вот тогда я и видела. Правда, ты меня не убьешь???

— Сойди, Чахра, с тахты. Ты со мной поедешь.

— Папа и мама тоже меня так называют.

— Я тебя так называю, потому что ты сама себя так назвала.

— Ты говоришь не по-нашему, а мне все понятно.

— Я говорю по-турецки, но говорю так, чтобы ты все понимала.

Девочка доверчиво потянулась к бородатому незнакомцу с перекинутым через плечо автоматом и встала рядом, как бы ожидая, чтобы тот взял ее за руку. Геташенци Гагик протянул ей свою малоподвижную левую руку и спросил:

— А где твоя семья жила прежде? До того, как вы переехали в Бузлух?

— Мы раньше жили в Ени. Потом... потом не помню. Помню только, жили еще и в другой деревне. В Ени у нас был маленький дом. Сада не было. А папа хотел, чтобы и дом был большой, чтобы и сад был большой.

«Да, — подумал Геташенци Гагик про себя, — породил целую дюжину детей, а жить собирался в чужих домах и садах». Но говорить об этом вслух с маленькой девочкой он уже не посмел бы. Гульчахре помогли сесть в БТР. В тесной кабине она, вся дрожа от грохота, прижалась к Гагику.

...Три недели подряд Геташенци Гагик добивался через Степанакерт и Ереван связи со службами, которые занимаются вопросами обмена заложниками, пленными, трупами. Все это время азерская девочка жила в Веришене у Гагика. Часто соседские женщины заходили к ним. Приносили гостинцы. Оставались на ночь, когда Геташенци Гагик отсутствовал дома. Умудренные жизненным опытом женщины строго оберегали девочку. Мало ли что. Чуть ли не в каждом доме погибшие и заложники.

Пришла, наконец, информация, что родители девочки нашлись и что они готовы на любые условия, лишь бы вернули им дочь.

Вечером Гагик сказал Гульчахре, что скоро она вернется домой.

— А где теперь наш дом? — спокойно спросила девочка, не выражая никакого восторга от, казалось бы, желанной новости, которую сообщил ей Геташенци Гагик.

— Ты вернешься к папе и маме, к сестрам и братьям, — уклонился Гагик от конкретного вопроса Гульчахры.

Девочка ласково улыбнулась, подошла к сидящему в широком кресле с массивными, как гюлистанские подушки, подлокотниками, обхватила тоненькими ручками шею и прильнула щекой к его бородатому лицу. Гагик почувствовал сильный жар, исходящий от девочки. Потрогал ладонью лобик и громко сказал:

— Ты же вся горишь. Надо быстренько лечь в постель.

...Три дня и три ночи Геташенци Гагик не отходил от постели маленькой девочки, то и дело заставляя ее пить чай с кизилковым вареньем, которое принесли соседи. Они приносили для больной свежестиранные белье. Натирали полотенцем разгоряченное тело. Торопливо одевали в заранее подогретую майку и рубашку, уносили с собой намокшее от обильного пота белье.

Однажды пришли четверо мужчин, одетые в камуфляжную форму. Они разговаривали тихо, думая, что она спит. Языка их Гульчахра не понимала, но, притворившись спящей, наблюдала за ними. Гости очень даже отличались от хозяина дома. Они часто смеялись, легко двигали обеими руками. А вот Гагик ни разу даже не улыбнулся, и левая рука его висела неподвижно. И еще глаза у него всегда очень-очень грустные.

Когда мужчины ушли, Гульчахра, высунув голову из-под одеяла, спросила:

— О чем вы говорили с военными?

— Детям не полагается знать, о чем говорят взрослые.

— Но ведь несколько раз вы произносили мое имя.

— Мы говорили о том, что пока ты не выздоровела, нельзя тебя возвращать родителям.

— Почему?

— Потому, что у вас нет дома, а тебе надо лежать в постели, чтобы попотеть.

— У тебя есть дети? — тихо спросила Гульчахра.

Геташенци Гагик долго возился, пока, пристроив коробок спичек в малопослушной левой руке, правой ловко чиркнул и закурил. Выпустив клубок дыма в сторону двери и глядя куда-то в сторону, он тихо сказал:

— У меня была дочь. Звали ее Наира.

— А где она сейчас?

— Она... Она умерла.

— Она болела?

— Скоро придут соседки. Поменяют тебе белье. А завтра, если у тебя не будет температуры, повезем тебя к родителям...

— Я знаю, почему ты никогда не улыбаешься и почему у тебя глаза грустные...

— Ты оденешься в новое платье, и утром мы тебе повезем...

В дверь постучали и, не дождавшись ответа, вошли три женщины со свертками и кастрюлями.

...В юрком «уазике» на заднем сиденье разместились три рослых фидaina, пристроив между ног автоматы. Рядом с водителем сидел Геташенци Гагик, держа на коленях девочку в нарядном платьице с белым бантом на голове. Машина часто подпрыгивала на ухабах. Гагик крепко обхватил девочку правой рукой, наклоняясь набок, чтобы обозревать дорогу. Каждый раз, когда машина, выходя на ровный участок, резко набирала скорость, девочка подавалась назад и задевала пышным бантом лицо Гагика. «Веришенские женщины уж больно перестарались», — подумал Гагик. Ему казалось, что от этого банта, претендующего на некую праздничность, веет какой-то неестественностью. Улучив момент, он, изловчившись, развязал бант. Тотчас же огромной ладонью стал поправлять торчащие на макушке пряди волос. Гульчахра никак не отреагировала на смену прически. Она словно радовалась тому, что машина постоянно подпрыгивала. И каждый раз все сильнее и сильнее прижималась к широкой груди Геташенци Гагика.

За очередным крутым поворотом открылась ровная площадка, где толпились люди. «Уазик» остановился чуть поодаль, чтобы не обдать их пылью. Двое парней подбежали к машине. Открыли дверцу. Гульчахра ловко спрыгнула на землю. Парни помогли Геташенци Гагику выйти из машины. Девочка подошла к нему и привычно взялась за его едва шевелящуюся левую руку. Гагик показал ей взглядом на стоящую метрах в тридцати от них прямо на дороге группу людей: военные, гражданские, женщины, дети.

Минут через пять Геташенци Гагик передал свой «Калашников» водителю «Уазика». И, держа за руку Гульчахру, зашагал, хромая, по пыльной дороге. Тотчас же навстречу к нему двинулся мужчина в кепке и телогрейке. Дочь сразу узнала в нем своего отца. Сердце ее клокотало в груди. Подпрыгивая, как ягненок, она то смотрела на отца, то переводила взгляд на Гагика. Неожиданно, словно по команде, мужчины остановились. Презрев договоренность, что стороны не должны говорить друг с другом, отец Гульчахры вдруг негромко произнес по-русски, глядя в лицо Геташенци Гагика:

- У меня никогда не поднимется рука, чтобы убить армянина только потому, что он армянин и христианин.

Гайдук, словно был готов к такому обороту, не задумываясь ни на мгновение, ответил:

- Собственно, я никогда не убивал азербайджанца только потому, что он азербайджанец и мусульманин.

Гульчахра не понимала, о чем говорят мужчины, и, конечно, не знала, что такова была договоренность между взрослыми, считающими себя врагами. Мужчины должны были остановиться в десяти шагах друг от друга, у заранее поставленных на обочине больших камней. Девочку охватило тревожное волнение: а вдруг кто-то помешает возвращению к родителям. Обуреваемая сомнениями, она неожиданно вырвалась из рук Геташенци Гагика и стремглав бросилась к отцу. Нельзя было не заметить, как метров через пять-шесть, сбавив ход, попыталась даже оглянуться назад, но ее уже несла сама инерция. Гульчахра слету кинулась на шею отцу. Тот собрался уже было повернуться, чтобы на руках отнести дочь к шумевшей от восторга толпе, как девочка, извиваясь, словно уж, выползла из объятий отца и побежала к все еще стоявшему посреди дороги Геташенци Гагику. В двух шагах от него Гульчахра споткнулась и, оттолкнувшись от земли, как от трамплина, прыгнула к нему, словно кузнечик. Гагик резко бросился к ней с вытянутыми вперед руками. Через мгновение она оказалась в его объятиях, успев подумать о том, что его рука, которая всегда висела, как плеть, заработала...

Спрыгнув на землю, она, словно желая проверить свои догадки, взялась за левую руку фидаина, стала поочередно разгибать его пальцы, крепко сжатые в кулак, и приложила щекой к его широкой ладони.

Ничего не сказав, девочка повернулась и спокойно зашагала в сторону отца. Остановилась на полпути. Оглянулась. Улыбнулась Геташенци Гагику, впервые увидев улыбку на его лице. Но глаза его были по-прежнему грустные.

Зорий БАЛАЯН